

ЮРИЙ ЕМЕЛЬЯНОВ

“И НА ТИХОМ ОКЕАНЕ СВОЙ ЗАКОНЧИЛИ ПОХОД...”

После 1945 года праздничным был не только день 9 мая – День Победы над Германией, но и 3 сентября – День Победы над Японией. Как и 9 мая, в этот день в столице страны, столицах союзных республик и городах-героях звучали праздничные салюты. Однако вскоре 3 сентября перестал считаться праздничным днём, а затем даже юбилейные торжества, связанные с Победой над Японией, стали отмечаться главным образом на Дальнем Востоке.

Японская угроза

Ныне забылось, что в первой половине XX века нападение Японии на нашу страну представлялось едва ли не более вероятным, чем агрессия с Запада. Японская угроза возникла с начала XX века задолго до создания СССР. В своем обращении к народу 2 сентября 1945 года И. В. Сталин говорил: “Свою агрессию против нашей страны Япония начала еще в 1904 году, во время русско-японской войны”. Сталин обращал внимание на вероломность нападения японских военных судов на Порт-Артур, в то время как “переговоры между Японией и Россией еще продолжались”.

Хотя ныне директор Института Российской истории РАН А. Сахаров и некоторые его коллеги пытаются доказать, что в ходе русско-японской войны 1904–1905 гг. наша армия одержала победу, более реалистичная оценка этой войны и ее последствий для России была дана И. В. Сталиным в его речи 2 сентября 1945 г.: “Как известно, в войне с Японией Россия потерпела тогда поражение. Япония же воспользовалась поражением царской России для того, чтобы отхватить от России Южный Сахалин, утвердиться на Курильских островах и, таким образом, закрыть на замок для нашей страны на востоке все выходы в океан – следовательно, также все выходы к портам Советской Камчатки и Советской Чукотки. Было ясно, что Япония ставит себе задачу отторгнуть от России весь ее Дальний Восток”.

Помимо указанных Сталиным территориальных утрат, Портсмутский мирный договор 1905 года, заключенный по окончании войны, предусматривал отказ России от арендных прав на Ляодунский полуостров, с Порт-Артуром и Дальним, и Южно-Маньчжурскую железную дорогу (ЮМЖД). Договор признавал Корею сферой японского влияния. Впервые после уступки Аляски Соединенным Штатам Россия отдавала свои земли и стратегически важные позиции. Но на сей раз утраты были следствием военного поражения страны. Внутри страны и за ее пределами многие увидели в этом свидетельство слабости России.

Сталин верно оценил значение тех событий для общественного сознания страны. 2 сентября 1945 года он говорил: “Поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну тяжелым пятном... Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано”.

Эти настроения были отражены, в частности, в популярной песне про русских воинов, покоящихся “на сопках Маньчжурии”. Герои этой войны были воспеты также в песнях про “геройскую гибель” крейсера “Варяг”. Вряд ли в песне про победу в русско-японской войне прозвучали бы печальные слова: “Стонет вся Русь как один человек, свой род и судьбу кляня”. Вряд ли в песне о триумфе России над Японией выражалась бы надежда о том, что “мы за вас отомстим, и справим мы славную тризну”. Получается, что русские люди зря сетовали на судьбу, так как они не знали про изыскания Сахарова и его коллег. Однако создается впечатление, что Сталин вернее и острее чувствовал настроения русских людей, чем некоторые ученые, озабоченные больше подгонкой фактов под текущую политическую конъюнктуру. Генерал Артем Сергеев, воспитывавшийся в сталинской семье, не раз вспоминал о том, как еще в 30-е годы Сталин любил слушать пластинки с песнями о крейсере “Варяг”, “На сопках Маньчжурии” и комментировал их содержание детям.

Между тем не только Россия, но и Япония не была удовлетворена итогами Портсмутского мирного договора. Японские милитаристы требовали возобновления войны. Правительство Комуры, подписавшее договор, было отправлено в отставку. Лишь после заключения в 1907 году русско-японского соглашения по общеполитическим вопросам отношения между двумя странами были нормализованы. Соглашение обязывало обе стороны уважать территориальную целостность друг друга, вытекающую из существующих между ними договоров. Секретное приложение к соглашению предусматривало раздел Маньчжурии на зоны влияния. Северная часть Маньчжурии (от русско-кореysкой границы через Хунчунь на Сюшуйчань, далее по рекам Сунгари, Нуньцзян и Толахэ до пересечения с 122-м меридианом восточной долготы) стала российской зоной влияния. Земли Маньчжурии, расположенные к югу от линии раздела, становились японской зоной влияния. Япония обязалась не приобретать железнодорожных и телеграфных концессий в русской зоне, а Россия – в японской. Кроме того, Россия обязалась не чинить препятствий развитию отношений между Японией и Кореей, а Япония признавала наличие “специальных интересов” России во Внешней Монголии.

В ходе Первой мировой войны Россия и Япония стали союзниками, поскольку военно-политическая экспансия Токио была в это время направлена на захваты германских владений в Китае и Океании. Однако уже в 1918 году Япония пошла в новый поход против России. Знаменательно, что японские войска были среди первых иностранных интервентов, вступивших на российскую землю: в марте 1918 года в Мурманске высадились первые отряды англичан, французов и американцев, а 5 апреля японские войска заняли Владивосток. В то же время японские интервенты намного дольше других оставались на территории России – до осени 1922 года. Однако и после завершения интервенции на континенте японцы до 1925 года продолжали оккупировать Северный Сахалин. Только после вывода японских войск из Северного Сахалина были установлены советско-японские дипломатические отношения. При их установлении правительство СССР было вынуждено признать условия Портсмутского договора, правда, оговорившись, что “не несет за него политической ответственности”.

А уже через пару лет после ухода из северной части Сахалина в 1927 году премьер-министром Японии бароном Гиити Танака был разработан секретный меморандум, в котором, в частности, говорилось: “Для решения трудностей, возникших в Восточной Азии, Япония должна принять политику Крови и Железа... Для того чтобы покорить мир, Япония должна покорить Европу и Азию; для того чтобы покорить Европу и Азию, Япония должна прежде всего покорить Китай; для того чтобы покорить Китай, Япония должна покорить Маньчжурию и Монголию. Япония рассчитывает выполнить эту программу за десять лет”.

В ходе реализации этого плана осенью 1931 года японские войска захватили Маньчжурию, а затем создали на ее территории марионеточное государство Маньчжоу-Го. Ее границы охраняла японская Квантунская армия.

Вскоре было создано и другое марионеточное образование – “Федеративное автономное правительство Внутренней Монголии” во главе с князем Де Ваном, уверявшим, что он – прямой потомок Чингисхана. Находившийся на содержании Квантунской армии и в ее полном подчинении князь претендовал на роль властителя земель, населенных монголами и бурятами. “Великая Монголия” Де Вана под японским протекторатом должна была взять под свой контроль участок Транссибирской железной дороги, озеро Байкал и многие другие земли России.

Внутренняя Монголия была объявлена в Токио “главной дорогой продвижения по евразийскому континенту”. На основе своих многочисленных бесед с японскими политическими деятелями американский публицист Джон Гантер в книге “Внутри Азии” пришел к выводу, что его собеседники рассматривали русские города Дальнего Востока (Владивосток, Хабаровск и другие) как источник потенциальной опасности для Японии. Гантер уверял: “Японцы... не успокоятся, пока не отбросят советскую границу до Байкала”.

Заключение Японией и Германией Антикоминтерновского пакта 25 ноября 1936 года, который впоследствии стал политической основой гитлеровской коалиции (с 1936 по 1941 годы его подписали представители 14 государств), рассматривался в Токио, прежде всего, с точки зрения будущей войны против СССР. Гантер подчеркивал: “Антикоминтерновский пакт совсем не является пактом против Коминтерна, как признают официальные лица в Японии. Это – антирусский пакт”.

Активно пропагандировал свой план нападения на СССР генерал Канджи Ишикара, занимавший видные посты в штабе Квантунской армии, а затем возглавивший оперативный отдел Генерального штаба японской армии. Беспрепятственно выступал с поджигательскими речами, направленными против СССР, участник русско-японской войны, бывший министр обороны генерал Садао Араки. Его фамилия стала одиозной в СССР, и советские сатирики склоняли ее в своих куплетах:

*Коккинаки, Коккинаки
Долетит до Нагасаки
И покажет там Араки,
Где у нас зимуют раки.*

В 30-х годах тема отпора “самураям” звучала в советской патриотической пропаганде столь же часто, как и тема отпора “фашистам”, которые “задумали войну”. На карикатуре Бориса Ефимова тех лет можно было увидеть звероподобных существ в немецкой и японской военной форме. Они угрожают красноармейцу, который снисходительно улыбается, глядя ни озабоченные лица вояк, так как за его спиной в воздухе армады советских самолетов, а на земле – множество советских танков. В популярной песне тех лет говорилось:

*Фашистских гадов, банды самурав
На их же землях мы их разгромим!*

Сознавая важность принятия действенных мер по защите своих дальневосточных рубежей и охране суверенитета дружественной Монголии, Советское правительство в 1934 году заключило устное соглашение с правительством МНР о взаимной поддержке всеми мерами в деле предотвращения и отражения военного нападения. Отвечая 1 марта 1936 года на вопрос председателя американского газетного объединения “Скриппс-Говард ньюспейперс” Роя Говарда (“Какова будет позиция Советского Союза в случае, если Япония решится на серьезное нападение против Монгольской республики?”), И. В. Сталин ответил: “В случае, если Япония решится напасть на Монгольскую Народную Республику, покушаясь на ее независимость, нам придется помочь Монгольской Народной Республике. Заместитель Литвинова Стомоняков уже заявил недавно об этом японскому послу в Москве, указав на неизменно дружественные отношения, которые СССР поддерживает с МНР с 1921 года. Мы поможем МНР так же, как мы помогли ей в 1921 году”. В ответ на уточняющий вопрос Р. Говарда (“Приведет ли, таким образом, японская попытка захватить Улан-Батор к позитивной акции СССР?”) Сталин недвусмысленно заявил: “Да, приведет.” Такое решительное заявление было подкреплено подписанным в марте 1936 года советско-монгольским Протоколом о взаимопомощи.

Эти заявления СССР сдерживали агрессивные действия Японии. В то же время японские милитаристы постоянно проверяли способность СССР удерживать свои позиции на Дальнем Востоке. Историей, подобной той, что изложена в известной песне про трех танкистов, великое множество. За десять лет после оккупации японцами Маньчжурии на дальневосточной границе, помимо известных боев на озере Хасан, имело место более 2 тысяч вооруженных инцидентов. Как правило, инициаторами таких инцидентов были японцы, так как по их завершении советская сторона зачастую могла предъявить пленных японских солдат и офицеров. В этих боях несла потери и Красная Армия.

В ходе одного из боев в 1937 году за два спорных острова на реке Амур вблизи Благовещенска Дальневосточная армия потеряла сторожевой катер и его экипаж. В ходе последовавших переговоров СССР решил уступить эти острова японцам. По словам Джона Гантера, военные неудачи СССР в боях на амурских островах и последующая уступка этих островов были расценены японцами как проявление слабости. Американский журналист даже утверждал, что “инцидент косвенным образом способствовал началу японо-китайской войны, так как у правителей Японии создалось впечатление, что Россия недостаточно сильна, чтобы вмешаться в защиту Китая”.

Возможно, что японцами были сделаны неоднозначные выводы и после боев на озере Хасан в июле–августе 1938 г. Хотя в результате двухнедельных боев японские войска были выбиты с захваченной ими территории, неудача первых попыток советских войск занять захваченные противником сопки Безымянная и Заозерная и потери, понесенные красноармейцами, показали существенные недостатки Дальневосточной армии, руководимой Маршалом Советского Союза В. К. Блюхером. Не исключено, что решение Японии начать агрессию против МНР во многом объяснялось суждениями о слабости Красной Армии, сделанными после боев на озере Хасан.

Нападение на Монгольскую Народную Республику было предпринято 11 мая 1939 года в пустынном районе на востоке страны возле горы Номон-Хан-Бурд-Обо. Японские части отбросили монгольских пограничников на 20–30 километров от границы к реке Халхин-Гол. Подтянутые к району конфликта советские войска (11-я танковая бригада, полк 36-й стрелковой дивизии) и 6-я кавалерийская монгольская дивизия через пару недель оттеснили противника к границе, но было очевидно, что на сей раз японцы не ограничатся проверкой боевой готовности советско-монгольских сил.

Японцами был разработан план операции под названием “Второй период номонханского инцидента”. План предусматривал: 1) окружение и разгром всей группировки советских и монгольских войск, расположенных восточнее реки Халхин-Гол; 2) переправу через реку Халхин-Гол и выход на западный берег реки с целью разгрома резервов советско-монгольских войск; 3) захват и расширение плацдарма западнее Халхин-Гола для обеспечения последующих действий.

В Кремле отнеслись к этим планам с надлежащим вниманием. По оценке наркома обороны К. Е. Ворошилова, японцами была “затеяна серьезная военная авантюра”. В начале июня из Белорусского военного округа заместитель командующего войсками этого округа Г. К. Жуков был направлен в Монголию. Прибыв на место пограничных боев, Г. К. Жуков пришел к выводу, что имевшимися силами будет невозможно дать отпор врагу. Он обратился к Ворошилову с просьбой усилить авиационные соединения Красной Армии и выдвинуть к району боевых действий три стрелковые дивизии, одну танковую бригаду и значительно укрепить артиллерию. Эти предложения были приняты.

22 июня 1939 года, ровно за два года до начала Великой Отечественной войны, 120 японских самолетов вторглись в воздушное пространство МНР. Однако они были встречены контратакой 95 советских истребителей. Японская авиация понесла немалые потери.

Через два дня японцы повторили свое воздушное нападение и вновь были разбиты. Третий воздушный бой произошел 26 июня, и снова агрессор понёс урон. В воздушных боях 22–26 июня японцы потеряли 64 самолета.

Несмотря на эти потери, японские войска перешли к проведению наземной операции. Перед рассветом 3 июля японцы скрытно подошли к реке Халхин-Гол в районе горы Баян-Цаган, переправились через реку и атаковали 6-ю монгольскую кавалерийскую дивизию, которая была вынуждена отойти на

северо-запад. Фронт был прорван, и перед японскими войсками был открыт путь в глубь Монголии.

Хотя у японцев был численный перевес в живой силе и технике (10 тысяч человек против 1000 у советских войск, 100 японских орудий против 60 советских), Г. К. Жуков принял решение немедленно атаковать противника на горе Баян-Цаган, не дожидаясь того, пока противник разовьет успех. “Главным нашим козырем, — писал впоследствии Г. К. Жуков, — были бронетанковые соединения, и мы решили этим незамедлительно воспользоваться, чтобы с ходу разгромить японские войска, не дав им зарыться в землю и организовать противотанковую оборону”. В бой были брошены 11-я танковая бригада, имевшая до 150 танков, 7-я мотобронева бригада, располагавшая 154 бронемашинами, и 8-й монгольский бронедивизион, вооруженный 45-миллиметровыми пушками. Расчет Жукова оказался верным.

В своем дневнике японский солдат Накамура 3 июля записал: “Несколько десятков танков напали внезапно на наши части. У нас произошло страшное замешательство, лошади заржали и разбежались, таща за собой передки орудий; автомашины помчались во все стороны. В воздухе было сбито 2 наших самолета. Весь личный состав упал духом. В лексиконе японских солдат все чаще и чаще употребляются слова: “страшно”, “печально”, “упали духом”, “стало жутко”.

Тем не менее японские солдаты упорно защищали захваченные рубежи. Позже, делясь с И. В. Сталиным своими впечатлениями о боях на Халхин-Голе, Г. К. Жуков так оценивал боевые качества японских воинов: “Японский солдат... хорошо подготовлен, особенно для ближнего боя... Дисциплинирован, исполнительен и упорен в бою, особенно в оборонительном. Младший командный состав подготовлен очень хорошо и дерется с фанатичным упорством. Как правило, младшие командиры в плен не сдаются и не остаются перед “харакири”. Хуже, по словам Жукова, показало себя высшее офицерство. Он считал, что “офицерский состав, особенно старший и высший, подготовлен слабо и склонен действовать по шаблону”.

Бои на горе Баян-Цаган шли двое суток с исключительным упорством. Лишь утром 5 июля сопротивление противника было окончательно сломлено. По словам Г. К. Жукова, “тысячи трупов, масса убитых лошадей, множество раздавленных и разбитых орудий, минометов, пулеметов и машин устилала гору Баян-Цаган. В воздушных боях за эти дни было сбито 45 японских самолетов”. Унтер-офицер Отани, уходивший с отступавшими частями, записал в своем дневнике: “Тихо и осторожно движется машина генерала Камацубара. Луна освещает равнину, светло, как днем. Ночь тиха и напряжена так же, как и мы. Халхы (река Халхин-Гол. — Прим. авт.) освещена луной, и в ней отражаются огни осветительных бомб, бросаемых противником. Картина ужасная. Наконец мы отыскали мост и благополучно закончили обратную переправу. Говорят, что наши части окружены большим количеством танков противника и стоят перед лицом полного уничтожения”.

И все же японцы не отказались от попыток овладеть инициативой. В начале августа было закончено формирование 6-й армии под командованием генерала О. Риппо. Она насчитывала 75 тысяч человек, 500 орудий, 182 танка и имела поддержку 300–350 самолетов. 17 августа 6-я армия предприняла наступление, которое было сорвано решительными действиями советских и монгольских войск. К этому времени был создан существенный перевес советско-монгольских войск над неприятелем (по пехоте в 1,5 раза, по танкам — в 4 раза, по артиллерии — в 2 раза, по самолетам — в 1,6 раза).

20 августа после мощной артподготовки и серии воздушных налетов на позиции противника развернулось наступление советских и монгольских войск под командованием Г. К. Жукова. Сражались среди сыпучих песков, глубоких котлованов и барханов. Японский унтер-офицер Факута записал в своем дневнике: “20 августа 1939 года... Тучи артиллерийских снарядов падают поблизости от нас. Становится жутко... Противник торжествует по всему фронту”.

Позже руководство Квантунской армии сообщило, что в боях под Халхин-Голом она потеряла свыше 18 тысяч солдат и офицеров. Потери советских и монгольских войск составили около 10 тысяч человек.

23 августа советские и монгольские войска окружили японскую 6-ю армию, а 28 августа завершили ее разгром. 31 августа территория Монгольской

Народной Республики была полностью очищена от японских войск. 15 сентября 1939 года в Москве подписано советско-японское соглашение, согласно которому боевые действия были прекращены с 14 часов 16 сентября.

Руководители Японии извлекли для себя уроки из боев на реке Халхин-Гол. Очевидно, что воспоминания о Халхин-Голе во многом повлияли и на их решение подписать с СССР в 1941 году договор о нейтралитете.

Кто был заинтересован в войне между Японией и СССР?

Разгром японских войск на реке Халхин-Гол совпал с подписанием советско-германского договора о ненападении 23 августа 1939 года.

Японские политические и военные деятели расценили этот договор как удар в спину, нанесённый их союзниками по Антикоминтерновскому договору. Через полтора года 13 апреля 1941 года был подписан схожий по своему характеру советско-японский договор о нейтралитете. Позже В. Молотов в беседе с Феликсом Чуевым утверждал, что подписание договора с СССР было для Японии в известной степени мстью за пакт Молотова–Риббентропа. Он говорил: “Гитлер ведь подписал с нами договор о ненападении без согласования с Японией!”

Правда, в отличие от своих партнёров по Антикоминтерновскому пакту, Мацуока, находившийся в Берлине до прибытия в Москву в апреле 1941 года, не скрыл, что Япония сделала предложение Советскому правительству подписать договор о нейтралитете. Однако тогда Гитлер и другие были уверены в том, что они одержат победу над СССР без помощи Японии, и поэтому не желали участия своих союзников в разделе одной шестой части земного шара. 29 марта Риббентроп заявил Мацуоке, что, если Германии придётся ударить по СССР, то лучше будет, если “японская армия воздержится от нападения на Россию”. Хотя Мацуоке не было сказано о подготовке нападения Германии на СССР, рейхсминистр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп, по свидетельству П. Шмидта, сделал заявление о том, что в случае войны между Германией и СССР “Гитлер разобьёт Россию”.

Хотя 4 апреля Гитлер заверил Мацуоку, что Германия придёт на помощь Японии, если на неё нападёт СССР, но фюрер стремился направить японскую агрессию на юг. В ходе своих бесед с Мацуокой Гитлер заявлял о том, что для Японии сейчас открывается уникальный шанс напасть на Сингапур.

В отличие от японской элиты, шокированной пактом Молотова–Риббентропа, в германских верхах на первых порах никто не переживал по поводу соглашения Молотова–Мацуоки. После подписания советско-японского договора Гитлер 20 апреля заявлял командующему германским военным флотом адмиралу Редеру, что этот договор заключён “с ведома Германии”. Одновременно фюрер уверял адмирала, что “теперь Япония будет проявлять сдержанность в своих попытках напасть на Владивосток и вместо этого направит свои усилия против Сингапура”.

Отношение Германии к советско-японскому пакту о нейтралитете резко изменилось в первые же дни Великой Отечественной войны. 28 июня 1941 года Риббентроп направил германскому послу в Токио телеграмму генералу Ю. Отту, чтобы тот сделал всё возможное для того, чтобы Япония напала на СССР. Сам факт этой телеграммы красноречиво свидетельствует о вопиющей лживости утверждений некоторых российских историков, будто в первые дни войны СССР потерпел сокрушительное поражение. Совершенно очевидно, что уже через 6 дней боевых действий на советско-германском фронте вождям Третьего рейха стало ясно, что без помощи дальневосточного союзника им не одолеть СССР.

Мацуока отвечал, что он лично выступает за нападение на СССР, но его взгляды не разделяют в правительстве Японии. Официально правительство Японии выразило уверенность в том, что германская армия справится и без японских войск. Однако, как констатировал американский историк У. Ширер, “Токио не был так уверен в молниеносной победе нацистов, и это было одной из причин, почему Япония заняла такую позицию”.

2 июля в Токио состоялась императорская конференция, на которой обсуждался вопрос о направлении главного удара. Мацуока и командующий

Квантунской армии генерал Е. Умэдзу считали, что Япония должна напасть на СССР. Другие во главе с премьер-министром Ф. Коноэ полагали, что Японии выгоднее развернуть сначала действия на южном направлении, хотя они не отказывались вернуться к северному направлению на последующем этапе. Была принята резолюция, в которой говорилось: “Хотя наше отношение к германо-советской войне определяется духом оси Рим—Берлин—Токио, мы некоторое время не будем вмешиваться в нее, но примем по собственной инициативе меры, тайно вооружаясь для войны с Советским Союзом. И если ход германо-советской войны примет благоприятный для Японии поворот, мы применим оружие для решения северных проблем и этим обеспечим стабильность положения в Северных районах”.

10 июля Риббентроп вновь направил телеграмму Отту. В ней говорилось: “Так как Россия... близка к падению, то почти невероятно, что Япония не решит вопрос с Владивостоком и Сибирским регионом, как только ее военные приготовления будут завершены”. Отт отвечал в Берлин, что, пытаясь убедить членов кабинета, он столкнулся с непреодолимыми трудностями. Посол писал, что никто, кроме Мацуоки, не хочет воевать против СССР. А вскоре Мацуока был отправлен в отставку.

В дальнейшем Риббентроп не прекращал убеждать Токио в необходимости напасть на СССР, но всякий раз получал вежливые отказы последовать его советам. 19 августа в ответ на запрос Отта заместитель министра иностранных дел Японии заявил: “Нападение на Россию — это серьезный вопрос и потребует глубокого размышления”. 30 августа Отт задал вопрос новому министру иностранных дел Японии адмиралу Т. Тойода: “Есть ли возможность того, что Япония примет участие в русско-германской войне?” Тойода ответил: “Японские приготовления начались, но требуется немало времени для их завершения”. Подобные ответы на запросы Берлина продолжали поступать из Токио и в дальнейшем.

Между тем, получив сведения разведки, в том числе и от Рихарда Зорге, о том, что Япония не намерена начать военные действия на советском Дальнем Востоке, Сталин и военное командование СССР приняли смелое решение перебросить значительную часть войск, стоявших на границе с Маньчжоу-Го, к Москве. В считанные дни войска были переброшены по Транссибирской железной дороге на фронт. Прибытие бойцов Дальневосточной армии, которых стали именовать “сибиряками”, в значительной степени способствовало перелому в битве за Москву.

Однако граница на Дальнем Востоке не оставалась спокойной в течение войны. Еще в соответствии с решением императорской конференции от 2 июля генеральный штаб Японии стал разрабатывать план войны против СССР, получивший название “Кантокуэн” (“Особые маневры Квантунской армии”). План предусматривал захват советского Дальнего Востока и значительной части Сибири. Для осуществления плана численность японских войск, размещенных в Маньчжурии, возросла в 2 раза и к концу августа 1941 года достигла 600 тысяч человек. К 20 августа были завершены приготовления для возможного нападения на СССР.

Помимо Германии и ее союзников, в ту пору в мире было немало стран, правители которых желали развязывания войны между Японией и СССР.

Глава “Позиция России” в книге “Внутри Азии” Джона Гантера открывается высказыванием видного политического обозревателя 40-х годов Уолтера Дюранти: “Нельзя даже себе представить себе, как была бы популярна война между Японией и Россией. Весь мир приветствовал бы, если бы в ходе этой войны обе стороны проиграли”. Это высказывание соответствовало аналогичному высказыванию сенатора Гарри Трумэна в июне 1941 года относительно войны между Германией и СССР. Эти взгляды разделяли и в правительстве США.

С самого начала президентства Ф. Д. Рузвельта правительство США надеялось на то, что Япония нападет на СССР и две страны окажутся вовлеченными в кровопролитную войну. Первый посол США в СССР У. Буллит писал Рузвельту из Москвы: “Если между Японией и СССР вспыхнет война, мы не должны вмешиваться, а использовать свое влияние и силу к концу ее, чтобы она закончилась без победы и равновесие между Японией и СССР не было нарушено”.

Подписание советско-японского договора о нейтралитете, по словам историка Р. Шервуда, “вызвало такую тревогу насчет положения на Тихом океане” в правительстве США, “что был составлен “план № 2 обороны полушария”,

вступивший по указанию президента в силу 24 апреля 1941 года. Был отменен действовавший с начала апреля “план № 1 обороны полушария”, который предусматривал энергичные действия американских военных кораблей против немецких подводных лодок и надводных рейдеров в западной части Атлантического океана. Исправленный план предусматривал, что американские корабли должны были только сообщать о движении германских судов западнее Исландии, если они будут замечены. Огонь разрешалось открывать только в ответ на обстрел. В Вашингтоне опасались, что после заключения договора с Советским Союзом Япония может развернуть экспансию в южном направлении, и у США не хватит сил для войны на два фронта.

Правительство США внимательно следило за дискуссиями в правящих кругах Японии относительно выбора направления своей агрессии. В письме министру внутренних дел Икесу от 1 июля 1941 года Рузвельт писал: “На протяжении последней недели японки дерутся между собой насмерть, пытаются решить, на кого прыгнуть: на Россию, в сторону южных морей. . . или они будут продолжать “сидеть на заборе” и более дружелюбно относиться к нам. Никто не знает, какое решение будет принято в конечном счете”.

В октябре 1941 года правительство Японии во главе с принцем Коноэ пало. К власти пришли ярые милитаристы во главе с Тодзио. В Вашингтоне решили, что новое правительство, воспользовавшись тяжелым положением Красной Армии на фронте, направит агрессию не на юг, а на север. 15 октября Рузвельт так охарактеризовал ближайшие действия Японии в письме Черчиллю: “Я думаю, что они направляются на север. . . Ввиду этого вам и мне обеспечена двухмесячная передышка на Дальнем Востоке”. (Очевидно, в США полагали, что Япония разгромит СССР за два месяца). 16 октября командующий американским флотом Г. Старк сказал командующему тихоокеанским флотом США Х. Киммелю: “Наиболее вероятна война между Японией и Россией”.

Оказавшись в плену предвзятых представлений о том, что Япония собирается нанести удар по СССР, американская разведка, даже заметив внезапное “исчезновение” многих японских военных судов, сочла, что они заняли боевые позиции перед нападением на СССР. Между тем с 17-го по 22 ноября 1941 года военно-морская эскадра Японии собралась у берегов острова Итуруп, чтобы оттуда двинуться не к Советскому Приморью, а к Гавайским островам.

Сразу же после налета японской авиации на базу американского военно-морского флота в Пёрл-Харборе 7 декабря в США многие стали требовать, чтобы Советский Союз объявил войну Японии. В книге “Сталин и союзники” историк Р. Иванов привел подобные обращения рядовых американцев в советское посольство в декабре 1941 года. 12 декабря 1941 года некий Л. Талберт из Оук-парк (штат Иллинойс) писал советскому послу Литвинову: “Как рядовой и лояльный американец, я настойчиво прошу Вас и Ваше правительство предоставить американским ВВС базы в Вашей стране для воздушных операций против японцев. Полное устранение японской угрозы необходимо для будущей безопасности мира”. 17 декабря 1941 г. ода Уильям Оливер из Атланты (штат Джорджия) в телеграмме в советское посольство заявлял: “Русским ВВС следует немедленно нанести удар по японским базам ВМС и морским пароходным линиям. Такие действия вашего правительства навечно сцементируют узы русско-американской дружбы, когда мы одержим победу”.

Комментируя эти обращения, Р. Иванов справедливо замечал: “Советский Союз истекал кровью, сражаясь один на один с огромными силами Германии и ее сателлитов, под Москвой шли тяжелейшие бои, а американцы, проявляя высшую форму национального эгоизма, заявляли о необходимости участия СССР в войне с Японией. Аналогичные предложения звучали и в выступлениях американской печати различной политической ориентации”.

Несмотря на то, что после Пёрл-Харбора и начала советского контрнаступления под Москвой Япония воздерживалась от нападения на СССР, она поддерживала напряженность на дальневосточных рубежах нашей страны. 8 декабря 1941 года Япония в нарушение Портсмутского договора объявила проливы Лаперуза, Сангарский и Корейский “морскими оборонительными зонами”. Как справедливо отмечалось в “Истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.”, “Японское море и все выходы из него оказались под контролем японских властей”.

Японские власти нарушали договор о нейтралитете. В декабре 1941 года японцы потопили советские торговые суда “Кречет”, “Свирьстрой”, “Перекоп”

и “Майкоп”, а также захватили суда “Сергей Лазо” и “Симферополь”. Враждебные действия Японии не позволяли Советскому Союзу ослаблять оборону Дальнего Востока. О готовности СССР к эффективному отпору в Токио знали. 4 октября 1941 года Отт сообщал в Берлин: “Военных действий Японии против всё ещё сильной в боевом отношении Дальневосточной армии раньше будущей весны ожидать нельзя”. Через пару недель японское правительство уведомило Германию о том, что нападение на СССР может состояться в 1942 году.

В Германии вновь старались подтолкнуть Японию к совместным действиям по покорению Евразии. После взятия немцами Ростова 24 июля командующий войсками 17-й полевой армии генерал-лейтенант Руофф пригласил японского атташе на пролет взорванного моста и, вытянув руку в направлении Батайска, сказал: “Ворота на Кавказ открыты. Близится час, когда германские войска и войска вашего императора встретятся в Индии”. Советское руководство не исключало вероломного нападения Японии. В августе 1942 года после переговоров Сталина с Черчиллем переводчик В. Бережков стал свидетелем конфиденциальной беседы Сталина с Молотовым, в ходе которой вождь СССР говорил о возможности поражения СССР. “Победа над СССР, в чем в таком случае будет участвовать и Япония, — заметил Сталин, — будет означать огромное усиление держав фашистской оси”.

Для таких мыслей были серьезные основания. В 1942 году японским генеральным штабом был разработан новый план нападения на СССР. Против Квантунской армии в составе 1 миллиона солдат и офицеров, 1155 танков, 5300 орудий СССР был вынужден держать 40 дивизий. В разгар тяжелых боев в Сталинграде в сентябре 1942 года премьер-министр Японии Тодзио заявил: “Европейская война приближается к своему кульминационному пункту, и весьма возможно, что она переместится в Восточную Азию. Советский Союз все больше связывает свою судьбу с судьбой союзников. По этим причинам могут молниеносно возникнуть обострения японо-советских отношений”.

В запланированных военных действиях должны были принять участие и японцы, находившиеся на арендуемых в СССР рыболовных участках. Эти “рыбаки”, сведенные в воинские подразделения и части, проходили усиленную военную подготовку. В своей ноте японскому посольству в Москве советское правительство указало: “На арендуемых японскими рыбопромышленниками рыболовных участках, расположенных на дальневосточном побережье СССР, втайне от советских властей была организована военная подготовка японских подданных — рабочих и служащих консервных заводов и рыбопромыслов”. (О том, что к подобным приемам Япония прибегала повсеместно перед подготовкой военного нападения, свидетельствует книга американской художницы К. Майтингер о ее пребывании на Соломоновых островах в 30-х годах. Делясь своими впечатлениями об экзотическом архипелаге, она, в частности, упомянула о том, что японские розничные торговцы постоянно разъезжали по этому краю Меланезии, почему-то занимаясь, помимо торговли, промерами морских глубин. О том, зачем они это делали, стало ясно после успешных десантов японских войск на Соломоновы острова в начале 1942 года.)

Военные приготовления Японии к нападению на СССР использовались в США для того, чтобы напомнить Советскому правительству о японской угрозе. 17 июня 1942 года в своем послании Сталину Рузвельт писал: “Положение, которое складывается в северной части Тихого океана и в районе Аляски, ясно показывает, что Японское правительство, возможно, готовится к операциям против Советского Приморья. Если подобное нападение осуществится, то Соединенные Штаты готовы оказать Советскому Союзу помощь американскими военно-воздушными силами при условии, что Советский Союз предоставит этим силам подходящие посадочные площадки на территории Сибири. Конечно, чтобы быстрее осуществить подобную операцию, необходимо было бы тщательно координировать усилия Советского Союза и Соединенных Штатов”.

Сталин ничего не ответил на эти слова Рузвельта.

Во время развернувшейся битвы за Сталинград западные союзники отдавали себе отчет в том, что отвлечение советских войск на дальневосточный фронт от смертельной схватки с Германией может обернуться грандиозным поражением всей антигитлеровской коалиции. В своем послании от 19 августа Рузвельт, упомянув о боевых действиях на Тихом океане, заметил: “Я хорошо понимаю, что настоящим врагом обеих наших стран является Германия

и что, возможно, в самом скором времени нашим обоим странам будет необходимо применить против Гитлера нашу мощь и силу”.

Рузвельт подтвердил эту точку зрения в своем послании Сталину от 5 октября 1942 года. Он писал: “Как вы знаете, Правительства Австралии и Новой Зеландии склонны считать крайне необходимым, чтобы Объединенные Нации предприняли немедленное и генеральное наступление против Японии. Я хочу, чтобы генерал Хэрли после своего визита в Советский Союз смог бы сказать этим двум Правительствам, что наилучшая стратегия, которой следует придерживаться Объединенным Нациям, состоит в том, чтобы, прежде всего, объединиться для обеспечения возможности поражения Гитлера и что это является наилучшим и наиболее верным путем обеспечения поражения Японии”.

Еще раньше, 5 августа, Рузвельт написал Сталину: “До меня дошли сведения, которые я считаю определенно достоверными, что Правительство Японии решило не предпринимать в настоящее время военных операций против Союза Советских Социалистических Республик. Это, как я полагаю, означает отсрочку какого-либо нападения на Сибирь до весны. Будьте любезны передать эту информацию Вашему гостю” (Рузвельт имел в виду У. Черчилля). Сталин отвечал: “Что касается информации об Японии, то я с интересом с ней ознакомился и, конечно, не премину также передать её гостю”.

Однако Сталинградское сражение ещё не успело полностью завершиться, а Рузвельт снова стал предупреждать Сталина о возможности нападения Японии на СССР. “Хотя мы не имеем никакой определённой информации, подтверждающей, что Япония нападет на Россию, это нападение представляется в конце концов вероятным”.

После интенсивной переписки со Сталиным Президент США не возвращался к вопросу о планировании совместных военных операций с Советским Союзом против Японии до Тегеранской конференции.

Перед вступлением в войну против Японии

Тем временем на дальневосточных рубежах СССР было неспокойно. Правда, поражение немецко-фашистских войск под Сталинградом вновь отсрочило исполнение японских планов “похода на Север”. Однако и в 1943 году японские войска продолжали военные приготовления к нападению на СССР.

Командующий Квантунской армии генерал Ямаду Отодзо позже признал, что первой и основной задачей оставалась быстрая оккупация Приморского края. Для реализации этого плана на территории Маньчжурии строились шоссе, железные дороги, аэродромы, создавались склады оружия, боеприпасов и других военных материалов. Генерал Мацумура, который с августа 1943 года стал начальником оперативного отдела штаба Квантунской армии, сообщил, что для вторжения на территорию СССР “предназначалось 30 пехотных дивизий, 2 танковые дивизии и 4 авиадивизии”.

В ответ на эти приготовления японцев, которые не остались незамеченными, Ставка Верховного Главнокомандования в июле 1943 года подтвердила поставленные в 1942 году задачи Дальневосточному и Забайкальским фронтам на случай внезапного нападения Японии. Дальневосточный фронт в составе 6 армий, Тихоокеанский флот и Амурская военная флотилия должны были не допустить вторжения японских вооруженных сил на территорию СССР на благовещенском, приханкайском и приморском направлениях, а также на Северный Сахалин, Камчатку и советское дальневосточное побережье со стороны Японского и Охотского морей. Забайкальский фронт, в который входили две армии, имел задачу надежно закрыть проходы через Большой Хинган на солунском и хайларском направлении.

Как только к концу 1943 года стало ясно, что на советско-германском фронте наметился решительный перелом в пользу Красной Армии, советское руководство приняло принципиальное решение по вопросу о своем участии в боевых операциях против Японии, на чем давно настаивали США. Несмотря на то, что СССР продолжал нести основное бремя войны против стран оси, Советское правительство положительно откликнулось на просьбу США о помощи в борьбе против Японии. В ходе Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в октябре 1943 года Сталин

передал через переводчика Бережкова государственному секретарю США Хэллу следующее: “Советское правительство рассмотрело вопрос о положении на Дальнем Востоке и приняло решение сразу же после окончания войны в Европе, когда союзники нанесут поражение гитлеровской Германии, выступить против Японии. Пусть Хэлл передаст это президенту Рузвельту как нашу официальную позицию. Но пока мы хотим держать это в секрете”.

Вскоре после начала Тегеранской конференции (28 ноября – 1 декабря 1943 года) Ф. Д. Рузвельт направил И. В. Сталину две памятные записки, в которых возвращался к своим предложениям от 30 декабря 1942 года и 8 января 1943 года и детализировал их. В первом из них от 29 ноября Рузвельт подчеркивал: “Я желал бы в настоящее время договориться с Вами об обмене информацией, а также о таком предварительном планировании, которое может быть подходящим при существующих условиях для возможных операций против Японии, когда Германия будет выведена из войны”. Рузвельт запрашивал советские “военно-разведывательные данные относительно Японии”.

В тот же день Рузвельт направил Сталину новую памятную записку. В ней говорилось: “Мы считаем, что в целях сокращения сроков войны бомбардировка Японии с баз Вашего Приморского края немедленно после начала военных действий между СССР и Японией будет иметь весьма большое значение, поскольку это предоставит нам возможность разрушить японские военные и промышленные центры”. На этом основании Рузвельт запрашивал “необходимую информацию, касающуюся аэродромов, жилищ, снабжения, средств связи и метеорологических условий в Приморском крае, а также маршрутов туда с Аляски”. Рузвельт подчеркивал, что его целью “является базирование максимального количества сил бомбардировщиков авиации, от 100 до 1000 четырехмоторных бомбардировщиков с их обслуживающим персоналом в этом районе”. Он настаивал на том, чтобы “планирование с этой целью было бы начато немедленно”.

Среди последующих посланий Сталина нет никаких ответов на эти предложения и запросы Рузвельта. На Тегеранской конференции Сталин заявил: “Наши силы на Дальнем Востоке более или менее достаточны лишь для того, чтобы вести оборону, но для наступательных операций надо эти силы увеличить, по крайней мере, в три раза. Это может иметь место, когда мы заставим Германию капитулировать. Тогда – общим фронтом против Японии”.

В дальнейшем Рузвельт возвращался к теме войны на Тихом океане лишь для того, чтобы время от времени выразить соболезнование по поводу очередной советской подводной лодки, торпедированной японцами. Казалось, что президент США обращал внимание Сталина на то, как распоясалась японская военщина, и подсказывал, что Советскому Союзу следует наконец ударить по истребителям советских субмарин.

Одновременно предпринимались попытки оказать давление на СССР через другие каналы. Так, посол США А. Гарриман ставил вопрос об открытии “второго фронта” в зависимость от начала военных действий СССР на Дальнем Востоке. Американское посольство и военная миссия США пытались ограничить поставки по ленд-лизу и предпринять ряд дискриминационных мер в отношении СССР, чтобы добиться его вступления в войну против Японии. Косвенным фактором, который влиял на готовность СССР вступить в войну с Японией, были также тайные переговоры о сепаратном мире с Германией, которые вели представители западных союзников в Швеции и Швейцарии с посланцами Третьего рейха. В Советском правительстве не исключали вероломства союзников, но в то же время знали, что они, особенно США, вряд ли пойдут на такую сделку, понимая, что победа над Японией во многом зависит от военных усилий СССР.

В 1944 году на сухопутных и морских границах с Японией было по-прежнему неспокойно. Только за 1944 год было отмечено 144 случая нарушения советской границы. При этом в 39 случаях имел место обстрел нашей территории. В течение 1941–44 годов японцы задержали 178 судов советского торгового флота.

Однако по мере поражений Германии японские правящие круги теряли охоту к широкомасштабным провокациям. Более того, они стали предпринимать шаги к нормализации отношений. И всё же Советское правительство представляло себе, что милитаристская Япония представляет собой постоянную угрозу для нашей страны.

Поэтому на Ялтинской конференции (4–11 февраля 1945 года) Сталин подписал секретное “Соглашение трёх великих держав по вопросам Дальнего Востока”, которое гласило, что “через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне союзников”. Далее следовали условия, на которых СССР соглашался выполнить свой союзнический долг. Западные державы и Китай признавали независимость Монгольской Народной Республики. Советскому Союзу возвращалась южная часть Сахалина и прилегающие к нему острова, а также Курильские острова. Восстанавливалась утраченная Россией в 1905 году по Портсмутскому миру аренда на Порт-Артур и преимущественные права на порт Дальний (Дайрен), а также права на Южно-Маньчжурскую железную дорогу. Восстанавливались права СССР на Китайско-Восточную железную дорогу, утраченные после соглашения между СССР и Маньчжоу-Го 1935 г.

Эти требования СССР исходили из уверенности в том, что Красная Армия сумеет разгромить японские войска и изгнать их из Северного Китая, Кореи, Сахалина и с Курильских островов, которыми Страна Восходящего Солнца завладела по мере своей экспансии на Дальнем Востоке. В то же время почти четырехлетний опыт войны США и их союзников на Тихом океане, а также восьмилетняя японо-китайская война свидетельствовали о том, что победить японские войска не будет делом легким.

Несмотря на определенные успехи в войне на Тихом океане, США и их союзники за почти четыре года боевых действий так и не сумели развернуть боевые действия на территории четырех основных островов Японии. К лету 1945 года Япония располагала армией в 7 миллионов человек, имевшей более 10 тысяч самолетов и около 500 боевых кораблей. Союзники исходили из того, что без вступления в войну СССР она может продлиться не менее полутора лет. Американцы планировали высадку на остров Кюсю лишь в ноябре 1945 года, а на остров Хонсю – в марте 1946 года.

До сих пор американцы продвигались медленно и с большим трудом. Хотя они, как обычно, полагались на продолжительные массированные бомбардировки, японские войска упорно сражались за каждую пядь земли и редко сдавались в плен. Возвращение Филиппинских островов обошлось американцам в 60 тысяч убитых и раненых. Японцы при этом потеряли примерно 300 тысяч человек, в том числе 7 тысяч пленных.

19 февраля 1945 года американцы произвели десант на небольшом острове Иводзима (размеры его составляют примерно 5 на 8 с половиной километров), относящемся к архипелагу Рюкю. Против японского гарнизона в 23 тысячи человек было брошено 220 тысяч американских солдат. Для поддержки операции было привлечено свыше 1500 самолетов, которые начали бомбить остров еще до начала десанта и продолжали бомбардировку в течение 70 дней. Лишь 17 марта 1945 года японский гарнизон был уничтожен.

Немецкий адмирал Вильгельм Маршалль замечал: “Из всего многотысячного японского гарнизона в плен было взято лишь 212 человек. Значительными были и потери американцев: почти 5 тысяч человек пали на поле боя, а число раненых достигло 16 тысяч человек”. О том, какое значение заняло это событие в истории американских войн, свидетельствует памятник героям взятия Иводзимы, установленный в столице США. Он стал одной из важнейших достопримечательностей Вашингтона: гигантские бронзовые фигуры американских солдат и морских пехотинцев в едином порыве сгрудились вокруг древка флага, который они, видимо, только что установили на высоте.

1 апреля 1945 года американцы начали десант на Окинаву – главный остров архипелага Рюкю. Операция проходила под прикрытием 10 линкоров, 13 крейсеров, 23 эсминцев и 500 самолетов. В. Маршалл писал: “Понадобилось почти два месяца непрерывных боев с введением колоссального количества техники, прежде чем американцы, преодолев несколько километров предполья, вышли к основной полосе обороны японцев... Для того чтобы подавить огневые сооружения японцев, артиллерии главного калибра американских кораблей пришлось выпустить по ним до 1300 сверхтяжелых бронебойных и фугасных снарядов. В этих боях был убит командующий американской десантной армией. Японцы, расчлененные на три отдельные группы, продолжали сопротивление до 21 июня”.

Американские военные отдавали себе отчет в том, что вторжение на главные острова Японии потребует долгих месяцев борьбы и таких людских потерь

на поле боя, которые Штаты не знали за всю историю своих войн, включая гражданскую. Правда, определенные надежды сократить жертвы породили сведения о приближении к завершению проекта “Манхэттен”, предусматривавшего создание атомного оружия.

Вскоре после смерти Ф. Д. Рузвельта новый президент США Гарри Трумэн 15 апреля 1945 г. был посвящен военным министром США Стимсоном в тайны проекта “Манхэттен”. В ходе долгой беседы президент и министр решили создать комитет, который должен был выработать рекомендации по применению атомного оружия. В комитет вошли представители правительства США и ведущие ученые, участвовавшие в осуществлении проекта.

31 мая 1945 года в кабинете Стимсона состоялось заключительное заседание комитета, в котором участвовали Джордж Маршалл и другие военные. На заседании были приняты следующие рекомендации:

1. Необходимо сбросить бомбу на Японию, причем как можно быстрее.
2. Бомба должна быть сброшена на двойную цель – т. е. на военный объект или военный завод, окруженный жилыми домами или прочими легко поддающимися разрушению постройками.
3. Бомбу следует сбросить, не предупреждая противника о характере данного оружия”.

Позже Стимсон утверждал, что задача бомбардировки состояла в том, чтобы “добиться от императора и его военных советников капитуляции”. Для этого, мол, надо “нанести им такой сокрушительный удар, чтобы они полностью уверовали в нашу способность разрушить империю. Такой удар спасет гораздо больше жизней американцев и японцев, чем уничтожит”.

В то же время применением атомного оружия против Японии американцы собирались продемонстрировать Советскому Союзу, что у них появилась монополия на самое разрушительное оружие XX века. На Потсдамской конференции Трумэн лично сообщил Сталину 24 июля об успешном испытании в Аламогордо первой атомной бомбы, произведенном 16 июля. Он и Черчилль внимательно следили за реакцией Сталина на это сообщение. Сталин был невозмутим. У лидеров США и Великобритании создалось впечатление, что советский руководитель не понял смысла переданной ему информации. На самом деле Сталин был прекрасно осведомлен об испытании в Аламогордо. К этому времени в СССР уже несколько лет велись работы по созданию атомного оружия, в том числе и с использованием разведывательной информации, полученной от ряда американских участников проекта “Манхэттен”.

Однако Трумэн не был уверен в том, что применение атомного оружия поставит Японию на колени. Поэтому он считал, что атомную бомбардировку Японии надо осуществить одновременно с вступлением СССР в войну. По словам ученого-физика Артура Комптона, с которым беседовал президент США, последний “всякий раз, встречаясь со Сталиным в Потсдаме, спрашивал, скоро ли начнется наступление русских армий в Маньчжурии. Если, считал Трумэн, наступление русских начнется одновременно с сокрушительной демонстрацией мощных новых бомб, это приведет в чувство даже преисполненных решимости японских милитаристов. “8 августа, – отвечал Сталин американскому президенту, – это самый ранний срок, когда советские войска на Маньчжурском фронте смогут быть приведены в полную боевую готовность”. Как объяснял Комптон Трумэн, на этом основывалась тщательно продуманная американская стратегия”. Получив подтверждение Сталина о вступлении СССР в войну против Японии, Трумэн написал в письме своей жене, что “тем самым достигнута главная цель, которую он перед собой ставил на конференции, и что он думает об американских парнях, жизнь которых будет теперь сохранена”. Правда, по словам Комптона, Трумэн опасался, что “даже в случае атомной бомбардировки и объявления Россией войны было почти невозможно добиться капитуляции японского правительства”.

Эти сомнения разделяли и другие деятели американского правительства. За две недели до начала Потсдамской конференции военный министр Стимсон докладывал Трумэну: “Последующие за высадкой десанта операции по овладению Японией могут оказаться длительными и потребуют с нашей стороны больших затрат и упорной борьбы... Начав вторжение, нам придется, по моему мнению, завершать его еще более жестокими сражениями, чем те, которые имели место в Германии. В результате мы понесем огромные потери и будем вынуждены оставить Японию”.

Вопрос об участии СССР в войне против Японии был тесно связан с основными проблемами межсоюзнических отношений. К этому времени Советское правительство узнало, что правительство Черчилля распорядилось не разоружать солдат германских войск, взятых в плен англичанами. Выдерживая деловой тон дискуссии на конференции, Сталин неожиданно вводил такие аргументы, которые свидетельствовали о владении им точной разведывательной информацией и разоблачали вероломство союзников. Так, в ходе обсуждения темы о нехватке угля и нехватке рабочей силы для его добычи в Западной Европе Сталин сказал, что в СССР сейчас используется труд военнопленных для работы в шахтах, а затем заметил: “400 тысяч немецких солдат сидят у вас в Норвегии, они даже не разоружены, и неизвестно, чего они ждут. Вот вам рабочая сила”. Осознав истинный смысл заявления Сталина, Черчилль тут же стал оправдываться: “Я не знал, что они не разоружены. Во всяком случае, наше намерение заключается в том, чтобы разоружить их. Я не знаю точно, каково там положение, но этот вопрос был урегулирован верховной ставкой союзных экспедиционных сил. Во всяком случае, я наведу справки”.

Однако Сталин не ограничился своим острым замечанием, а в конце заседания передал Черчиллю меморандум относительно имеющихся в Норвегии не разоруженных германских войск. Черчилль вновь стал оправдываться: “Но я могу дать заверение, что нашим намерением является разоружить эти войска”. Ответ Сталина: “Не сомневаюсь” был очевидно произнесен с ироничной интонацией, а потому вызвал смех. Продолжая оправдываться, Черчилль заявил: “Мы не держим их в резерве, чтобы потом выпустить их из рукава. Я тотчас же потребую доклада по этому поводу”. Лишь через 10 лет, когда Черчилль вновь стал премьер-министром, он признал, что лично отдал распоряжение не разоружать часть немецких войск, а держать их готовыми на случай возможного вооруженного столкновения с СССР в Европе летом 1945 года. Позже стало известно, что был даже разработан план “Немыслимое”, предусматривавший нападение сил западных союзников совместно с недобитыми дивизиями вермахта на Красную Армию в Европе летом 1945 года.

Сталин знал, что главным инициатором подобных действий выступало правительство Великобритании. Он понимал, что США вряд ли позволят себе роскошь напасть на Советский Союз, пока не побеждена Япония. В то же время угроза вероломного нападения англо-американских союзников на Советский Союз в случае невыполнения им обязательств в отношении начала военных действий на Дальнем Востоке сохранялась.

Победоносная война

Верное своим союзническим обязательствам, советское правительство стало заблаговременно готовиться к военной кампании на Дальнем Востоке. Василевский вспоминал, что “ещё перед Ялтинской конференцией Верховный Главнокомандующий предложил мне и Антонову подумать над сокращением срока военной кампании против Японии”. В марте началось обновление материальной части в войсках Дальнего Востока, а начиная с апреля 1945 года войска Красной Армии стали перебрасываться на восток.

Маршал Мерецков вспоминал: “Первым днем, когда я непосредственно стал работать для “Востока”, можно считать практически 28 марта. В этот день я прилетел на “Дугласе” из Москвы в Ярославль, где дислоцировалось Полевое управление бывшего Карельского фронта... 31 марта из Москвы прибыл специальный поезд. Погрузились, тронулись. Тут, как это всегда бывает, среди офицеров стали ходить различные версии относительно того, куда мы едем... Домыслы исчезли сами собой только после того, как наш поезд, выйдя 1 апреля из Москвы по Горьковской железнодорожной линии, проехал через Киров и затем повернул в сторону Сибири”.

Тем временем 5 апреля 1945 года СССР, ссылаясь на неоднократные нарушения Японией договора о нейтралитете 1941 года, денонсировал этот пакт.

Переброска войск на Дальний Восток была нелегким делом. Мерецков писал: “Во-первых, войска перебрасывались на расстояние в 9–11 тысяч километров. Во-вторых, нужно было соблюдать строжайшие меры предосторожности”.

рожности и маскировать перевозку большого количества людей и техники. В-третьих, сеть железных дорог развита была в том районе слабо, а пропускная способность их являлась низкой. В-четвертых, сроки оказались весьма сжатыми. Тем не менее только за май – июль 1945 года на Дальний Восток и в Забайкалье прибыло с запада 136 тысяч вагонов с людьми и грузами. Всего, включая силы, находившиеся здесь ранее, к началу войны против Японии была сосредоточена группировка советских войск, насчитывавшая более 1,5 миллиона человек, свыше 26 тысяч орудий и минометов, 5,5 тысячи танков и самоходных артиллерийских установок и более 3800 боевых самолетов”.

Уже в начале июня 1945 года общий замысел операции против японской Квантунской армии был доложен Сталину. Для выполнения задач было создано несколько фронтов: Забайкальский (командующий маршал Р. Я. Малиновский; начальник штаба генерал армии М. В. Захаров), 1-й Дальневосточный (командующий маршал К. А. Мерецков), 2-й Дальневосточный (командующий генерал армии М. А. Пуркаев). К участию в кампании привлекались силы Тихоокеанского флота под командованием адмирала И. С. Юмашева. Для координации действий этих вооруженных сил было создано Главное командование на Дальнем Востоке, а Главкомандующим был назначен А. М. Василевский.

Советской Армии противостояли вооруженные силы Японии, насчитывавшие 1,2 миллиона человек. В их составе имелось 5400 орудий, около 1200 танков, и 1800 самолетов. Несмотря на известный перевес в живой силе и еще больший перевес в технике, нашим войскам предстояло преодолеть укрепления, которые создавались японцами в течение полутора десятков лет.

После окончания военных действий Мерецков проехал по этим оборонительным сооружениям. Он вспоминал: “Сначала, километров на пять, тянулось предполье, подготовленное для сдерживания наших авангардов. Сравнительно небольшой интервал, и мы уперлись в главную оборонительную полосу с долговременными железобетонными точками. Я стал определять глубину этой полосы и в том месте, где находился, насчитал четыре километра. Проехали дальше ровно пятнадцать километров, и перед нами открылась новая полоса обороны, трехкилометровой глубины. Отъехали еще на пятнадцать километров и обнаружили еще оборонительную полосу такой же глубины. Узлы сопротивления выглядели чрезвычайно внушительно. При осмотре одного из них мы насчитали 17 артиллерийских дотов, 5 артиллерийско-пулеметных точек, свыше 50 пулеметных гнезд и массу различных сооружений полевого типа”.

Огромные трудности для наших войск представляли оборонительные укрепления на Сахалине и Курильских островах, создававшиеся в течение нескольких десятилетий. Вдоль границы, проходившей через Сахалин по пятидесятой параллели, японцами были созданы мощные оборонительные укрепления. Только Харамитогский укрепрайон имел 17 железобетонных дотов, 31 артиллерийский и 108 пулеметных дзотов, множество артиллерийских и минометных позиций, 150 убежищ. В цепь военных укрепрайонов превратились Курильские острова.

Как вспоминал Мерецков, в июне его несколько раз принимал Сталин, обсуждая вопросы будущей кампании. Очевидно, Сталин также внимательно обсуждал эти вопросы и с командующими других дальневосточных фронтов, а также с Главкомандующим Василевским. 28 июня Сталин утвердил предложенный проект директив командующим новым фронтам. По словам Штенко, “И. В. Сталин принял все без возражений”.

16 июля в штаб войск Дальнего Востока, находившийся в 25 километрах юго-западнее Читы, позвонил Сталин. Он спросил у Василевского, “как идет подготовка операции, и поинтересовался, нельзя ли ее дней на десять ускорить”. Василевский ответил, что “сосредоточение войск и подвоз всего самого необходимого не позволят сделать этого, и попросил оставить прежний срок. Сталин дал на это согласие”. Не исключено, что, узнав через нашу разведку в США об успешном испытании атомного оружия утром 16 июля и о планах правительства США немедленно применить это оружие в Японии после первого же успешного испытания, Сталин решил ускорить развитие событий на Дальнем Востоке и завладеть здесь инициативой до атомных бомбардировок японских городов.

Но американцы тоже спешили. Несмотря на то, что первый атомный взрыв был стационарным (бомба в Аламогордо была закреплена на башне) и

у американских военных не было уверенности в том, что упавшая с самолета бомба взорвется (в этом очень сомневался влиятельный адмирал Леги), было решено немедленно доставить оставшиеся две бомбы на тихоокеанские базы ВВС США, чтобы сбросить их на Японию до начала советского наступления. Как это часто случалось и прежде, американские правители действовали, как азартные картежники: они поставили всё на атомные козыри.

О рискованности задуманной авантюры свидетельствовало то обстоятельство, что крейсер “Индианополис”, на котором в конце июня на военную базу на острове Тиниан были доставлены составные части атомной бомбы, был торпедирован японцами через неделю после этого рейса по пути на Филиппины. Вместе с крейсером погибла и вся его команда. Если бы это случилось на неделю раньше, то по крайней мере одной бомбы американцы бы лишились.

Риск усугубился тем, что за день до намеченной первой бомбардировки в конце взлетной дорожки подряд разбились и сгорели четыре бомбардировщика Б-29. Хроникер проекта “Манхэттен” У. Лоуренс писал: “Если бы это случилось с Б-29, на борту которого была атомная бомба... весь Тиниан, наша крупнейшая военно-воздушная база на Тихом океане с двумя тысячами Б-29 и 150 тысячами военнослужащими, мог превратиться в облако радиоактивной пыли”. Поэтому было принято еще одно рискованное решение: произвести окончательную сборку бомбы, когда самолет будет находиться в воздухе в нескольких тысячах километров от Тиниана. По словам У. Лоуренса, ответственный за операцию генерал Фаррел спросил техника, отвечавшего за сборку бомбы: “Вы когда-либо собирали механизм подобной бомбы раньше?” Ответ техника гласил: “Нет, но у меня целый день впереди”. Он успел собрать бомбу лишь за час сорок пять минут до того, как самолет приблизился к Хиросиме.

В Хиросиме сразу же погибло 240 тысяч человек. Кроме них, пострадало от взрыва еще 163 тысячи. Город превратился в крошечный ад. Художники Ири и Тосико Маруки, ставшие очевидцами взрыва, свидетельствовали: “Ослепительная зеленоватая вспышка, взрыв, сознание подавлено, волна горячего ветра, и в следующий момент всё вокруг загорается. Тишина, наступившая вслед за грохотом ни с чем не сравнимой, дотоле неслыханной силы, нарушается треском разгорающегося огня. Под обломками рухнувшего дома гибнут люди, гибнут в огненном кольце очнувшиеся и пытающиеся спастись... Миг — и с людей падает вспыхнувшая одежда, вздуваются руки, лицо, грудь, лопаются багровые волдыри, лохмотья кожи сползают на землю... Это привидения. С поднятыми руками они движутся толпой, оглашая воздух криками боли. На земле грудной ребенок, мать мертва. Но ни у кого нет сил прийти на помощь, поднять. Оглушенные и обожженные люди, обезумев, сбились ревущей толпой и слепо тычутся, ища выхода... Ни с чем не сравнимая, трагическая картина: люди утратили последние признаки человеческого разума... На искалеченных людей хлынули черные потоки дождя. Потом ветер принес удушающий смрад”.

Американцы не дали правительству Японии времени на обдумывание последствий бомбардировки Хиросимы. Хотя следующая бомбардировка была намечена на 11 августа, Вашингтон решил ее ускорить. 9 августа, в день начала советского наступления в Маньчжурии, на Японию была сброшена вторая бомба. Она была предназначена для города Кокура, но облака заслонили город, и летчики сбросили бомбу на запасную цель — Нагасаки. Эта была последняя атомная бомба, имевшаяся в распоряжении американцев на островах Тихого океана. Если и эта бомба не окажет воздействия на японцев, решили в Вашингтоне, то надо доставить из США по морю только что сконструированную атомную бомбу на остров Тиниан и сбросить ее на Японию в середине августа.

За день до бомбардировки Нагасаки Советское правительство объявило о том, что считает себя в состоянии войны с Японией со следующего дня, и 9 августа военные действия начались. Дальневосточная кампания стала ярким примером того, как за годы Великой Отечественной войны возросла мощь Красной Армии и военное искусство её полководцев.

Мерецков так рассказал о начале наступления 1-го Дальневосточного фронта: “1-я Краснознаменная и 5-я армии составляли ударную группировку фронта. Они должны были атаковать противника после мощной артподготовки. Но произошло неожиданное: разразилась гроза, хлынул тропический ливень. Пред нашими войсками находились мощные железобетонные укрепления

ния, насыщенные большим количеством средств, а тут разверзлись хляби небесные. Наша артиллерия молчит. Замысел был такой: используя боевой опыт Берлинской операции, мы наметили атаковать противника глухой ночью при свете слепящих его прожекторов. Однако потоки воды испортили дело. Как быть? А время идет. Вот наступил час ночи. Больше ждать нельзя. Я находился в это время на командном пункте генерала Белобородова. Вокруг стояли войска. Люди и боевая техника были в полной готовности. Одно слово – все придет в движение. Открывать огонь? Или нет?..”

“Несколько секунд на размышления – и последовал сигнал. Советские воины бросились вперед без артподготовки. Передовые отряды оседлали узлы дорог, ворвались в населенные пункты, навели панику в обороне врага. Внезапность сыграла свою роль. Ливень позволил советским бойцам в крошечной тьме ворваться в укрепленные районы и застать противника врасплох... Стремительность наступления позволила нашим войскам перерезать все коммуникации противника, прежде чем командование Квантунской армии смогло ими воспользоваться для отхода и организации обороны на заранее подготовленных рубежах в глубине. Столь быстрых действий советских войск японское командование не ожидало”.

Вопреки Уильяму Крейгу и другим авторам, изображающим действия Красной Армии как легкий и бескровный марш по степям Маньчжурии, Мерецков писал: “Неправильно было бы думать, что японцы заботились только об отходе и не оказывали серьезного сопротивления. Напротив, я ежедневно получал доклады о том, что они яростно сражались и не сдавали без боя ни одного укрепленного пункта, ни одной высоты”.

Приводя примеры упорного сопротивления японских солдат, Мерецков писал: “В Дунинском окруженном районе, где наступала 25-я армия, японские офицеры, видя бесполезность дальнейшего сопротивления, приказывали своим солдатам сдаваться. Однако последние не выполняли этих приказаний и расстреливали офицеров. А в ряде гарнизонов японское командование посылало священнослужителей и местных учителей, которых обязало разъяснить солдатам бесцельность дальнейших боевых действий. Но солдаты, годами воспитывавшиеся в самурайском духе, не повиновались и священнослужителям, продолжая сражаться”.

Обратил внимание Мерецков и на японские “команды смертников – солдат, заранее обреченных на гибель... В боях под станцией Мадаоши мы насчитали до двухсот смертников, которые, обвязавшись сумками с толом и с ручными гранатами, ползали по полю в зарослях густого гаоляна и бросались под наши танки. Эти “живые мины” были, конечно, достаточно опасны. Впрочем, наши войска заранее подготовились к такой тактике противника и быстро парализовали действия этих групп. В других случаях смертники пропускали вперед наши части, а затем стреляли им в спину”.

Мерецков признавал: “Некоторые укрепленные районы сопротивлялись долго. Мы были уже у Харбина и Мукдена, а в тылу у нас японские солдаты отдельных узлов сопротивления, окруженные со всех сторон, все еще вели безнадежное для них сражение. Позднее, просачиваясь через линию боевых действий мелкими группами, они переходили к диверсионным действиям. Замечу, что наибольшую активность диверсанты проявляли там, где неподалеку еще сражались крупные соединения японских войск. Если же данный район был очищен от войск противника, диверсанты чувствовали себя как бы одиночками, их активность резко падала”.

Лишь после вступления СССР в войну против Японии правительство этой страны поставило вопрос о капитуляции. Премьер-министр Японии Судзуки заявил 9 августа: “Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным продолжение войны”.

В то же время в правящих кругах Японии не было единства относительно дальнейших действий. Как признает У. Крейг в книге “Падение Японии”, ряд влиятельных военных стали готовить государственный переворот с целью не допустить капитуляции. В эти дни новости о взятии Красной Армией, казалось бы, неприступных укреплений и разгроме Квантунской армии сыграли существенную роль в окончательном определении позиции Японии.

Василевский писал: “Наступление советских войск проходило в условиях упорного сопротивления врага. Тем не менее на всех основных направлениях

советские войска отлично справились с выполнением поставленных задач. Передовые части Забайкальского фронта уже 11 августа подошли к западным склонам Большого Хингана, а подвижные войска главной группировки преодолели его и вышли на Центрально-Маньчжурскую равнину. Форсирование Хинганского хребта явилось подвигом, не имевшим себе равных в современной войне. К исходу 14 августа войска Забайкальского фронта, пройдя расстояние от 250 до 400 км, вышли в центральные районы Маньчжурии и продолжали продвигаться к ее столице Чанчуню и крупному промышленному центру Мукдену. За это же время войска 1-го Дальневосточного фронта в условиях труднопроходимой горно-таежной местности, прорвав сильную полосу обороны, наминавшую "линию Маннергейма", только в больших масштабах, и овладев семью мощными укрепленными районами, продвинулись в глубь Маньчжурии на 120–150 км и завязали бой за город Муданьцзян. Войска 2-го Дальневосточного фронта вели бои на подступах к Цицикару и Цзямусы. Таким образом, уже к исходу шести суток нашего наступления Квантунская армия оказалась расчлененной на части".

С первых же дней боев советские воины демонстрировали примеры героизма. В ходе боев под Хайларом 9 августа продвижение советских войск было задержано огнем из узла сопротивления на горе Оботу. Красноармеец Иннокентий Баторов забросал гранатами амбразуры двух долговременных сооружений. Подразделение смогло двинуться вперед. Однако вскоре солдаты вынуждены были залечь под огнем японского пулемета. Тогда Баторов бросился на амбразуру. Подразделение двинулось вперед.

Закрыли своими телами амбразуры пулеметов младший сержант А. Я. Фирсов, ефрейтор В. С. Колесник, красноармеец Г. Е. Попов. Всем им были посмертно присвоены звания Героев Советского Союза.

10 августа во время налета на северокорейский порт Расин японцы подбили самолет, управлявшийся младшим лейтенантом Михаилом Янко. Он и стрелок И. М. Бабкин могли бы спастись, выбросившись на парашютах, но они направили горящий самолет в центр военных портовых сооружений.

В ряде случаев японцам удалось взять в плен красноармейцев. Зачастую их убивали, предвительно подвернув жестоким пыткам.

Одновременно японцы прибегали к изощренным провокациям с целью запугать местное население. Перед бегством из города Ваньмяо солдаты японской армии, одетые в форму красноармейцев, расстреливали местных жителей. До 250 раненых были добиты ножами. Но население, как правило, дружественно встречало Красную Армию. Тысячи людей в городах и деревнях приветствовали красноармейцев, предлагая им дыни, арбузы, воду.

Стремительное продвижение Красной Армии застало японских военных врасплох. Бывший командующий 5-й японской армией Симидзу Норицунэ потом говорил: "Мы не ожидали, что русская армия пройдет через тайгу, и наступление русских внушительных сил со стороны труднодоступных районов оказалось для нас совершенно неожиданным. Потери 5-й армии составили 40 тысяч, то есть около 2/3 ее состава. Оказывать дальнейшее сопротивление армия не могла. Как бы мы ни укрепляли Муданьцзян, отстоять его не представлялось возможным".

14 августа правительство Японии объявило о своем решении подписать акт о безоговорочной капитуляции. Мерецков отмечал: "К этому времени японские войска почти прекратили военные действия против американско-британских войск. Но там, где наступали советские армии, они продолжали оказывать ожесточенное сопротивление с целью втянуть СССР в затяжные переговоры об условиях капитуляции и выиграть время для укрепления позиций Квантунской армии. Они, например, предложили прекратить военные действия и остановиться на тех рубежах, которые занимали советские и японские войска к 16 августа... Остановка на этих рубежах означала, что крупные города Северо-Восточного Китая и почти вся Корея должны остаться в руках агрессора. Кстати, в таком решении вопроса было заинтересовано и американское командование, которое не хотело, чтобы советские войска продвигались в глубь Китая и Кореи".

Ввиду того, что вооруженные силы Японии продолжали оказывать сопротивление, 16 августа было опубликовано разъяснение Генерального штаба Красной Армии, в котором говорилось, что "Вооруженные Силы Советского Союза на Дальнем Востоке будут продолжать свои наступательные операции против Японии".

16 августа советские войска овладели Муданьцзяном. Освободив 16 августа город Ванцин, а 17 августа – город Тумынь, Красная Армия развернула наступление в северные районы Кореи. 16 августа был полностью освобожден город Сейсин, являвшийся крупной военно-морской базой японского флота в Северной Корее.

17 августа главнокомандующий Квантунской армии генерал Ямада отдал приказ начать переговоры с советским Главнокомандованием на Дальнем Востоке. «Однако, – как отмечал Василевский, – на большинстве участков японские войска продолжали не только оказывать сопротивление, но местами переходили в контратаки». В связи с этим Василевский передал генералу Ямаде радиограмму, в которой предлагалось прекратить боевые действия с 12 часов 20 августа, сложить оружие и сдаться в плен. В радиограмме подчеркивалось: «Указанный выше срок дается для того, чтобы штаб Квантунской армии мог довести приказ о прекращении сопротивления и сдаче в плен до всех своих войск. Как только японские войска начнут сдавать оружие, советские войска прекратят боевые действия».

Одновременно Василевский приказал сформировать быстроподвижные и хорошо оснащенные отряды «для немедленного захвата городов Чанчунь, Мукден, Гири и Харбин». Были высажены военно-воздушные десанты в этих городах, а также в Порт-Артуре и Дальнем.

20 августа командующий американскими войсками на Дальнем Востоке генерал Дуглас Макартур заявил: «Я искренне надеюсь, что в ожидании формального подписания капитуляции на всех фронтах будет царить перемирие и что сможет быть осуществлена капитуляция без пролития крови». Комментируя это заявление, авторы «Истории Великой Отечественной войны» писали: «Это был кивок в сторону СССР, но Советские Вооруженные силы не собирались приостанавливать военные действия до тех пор, пока все японские войска в Северо-Восточном Китае, Северной Кореи, на Южном Сахалине и Курильских островах не прекратят сопротивление и не сложат оружие».

Между тем японские войска продолжали упорно оборонять свои позиции на островах. На Сахалине с утра 16 августа советские войска атаковали японцев с фронта и тыла. В боях за Харамитогский укрепрайон сержант Антон Буюкля повторил подвиг Александра Матросова, закрыв грудью амбразуру дзота. К исходу 18 августа Харамитогский укрепрайон был взят.

Однако упорные бои на Сахалине продолжались. Японские войска оказали ожесточенное сопротивление в портах Торо (ныне Шахтерск), Эсутору (Углегорск), Маоко (Холмск). Тяжелые бои шли за каждую сопку, каждый участок земли. 24 августа авангардные части 56-го корпуса вошли в город Тойохара (Южно-Сахалинск), а 25 августа освобождение Южного Сахалина было завершено.

В ночь с 17 на 18 августа под прикрытием авиации военные суда вышли из Петропавловска-на-Камчатке и двинулись к Курилам. Началась Курильская десантная операция. Каждый остров Курильской гряды пришлось брать с трудом. Пять дней потребовалось для взятия острова Шумшу.

В течение 24–30 августа советские войска овладели островами Большой и Малой Курильской гряд. 30 августа командующий Курильской десантной операцией генерал-майор А. Р. Гнечко докладывал командованию фронтом: «Курильские острова освобождены и возвращены нашей Родине». Быстрота, с которой были освобождены эти острова, намного превосходила темп занятия американцами японских островов аналогичных размеров.

Как вспоминал маршал Василевский, «к концу августа было полностью закончено разоружение Квантунской армии и других сил противника, располагавшихся в Маньчжурии и Северной Кореи. Успешно завершились операции по освобождению Южного Сахалина и Курильских островов... У нас в плену оказалось 148 японских генералов, 594 тысяч офицеров и солдат».

В ходе боевых операций с 9 августа по 2 сентября было убито 83 737 военнослужащих японских вооруженных сил. Более 50 тысячам раненых японских солдат и офицеров было разрешено вернуться на родину.

Советские потери в ходе этой войны составили 12 301 человек. Из них число убитых на поле боя составило 9780 человек, от болезней умерло 1340 и 911 пропало без вести.

Несмотря на огромный вклад советских войск в разгром вооруженных сил Японии, США постарались ограничить зону ответственности СССР в странах,

освобожденных от японского владычества, и свести к нулю участие нашей страны в оккупации японских островов. В своем письме Сталину от 15 августа Трумэн представил проект своего приказа Макартуру, в котором были определены границы размежевания между советскими и американскими оккупационными войсками. Именно тогда была впервые обозначена 38-я параллель в качестве разделительной линии между американскими и советскими войсками в Корее.

Отвечая Трумэну 16 августа, Сталин в основном соглашался с его предложениями, но внес следующие поправки: “включить в район сдачи японских вооруженных сил советским вооруженным силам все Курильские острова, которые согласно решению трех держав в Крыму должны перейти во владение Советского Союза. Включить в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам северную половину острова Хоккайдо, примыкающего на севере к проливу Лаперуза, находящемуся между Карафуто и Хоккайдо. Демаркационную линию между северной и южной половиной Хоккайдо провести по линии, идущей от гор. Кусиро на восточном берегу острова до города Румоз на западном берегу острова, со включением данных городов в северную половину острова”.

18 августа Трумэн ответил согласием на предложение Сталина о включении “Курильских островов в район, который должен капитулировать перед советскими вооруженными силами”. Однако он оговаривал это согласие просьбой предоставить США права на авиационные базы “для наземных и морских самолетов на одном из Курильских островов, предпочтительно в центральной группе, для военных и коммерческих целей”. Предложение же Сталина относительно Хоккайдо Трумэн отвел и вместо этого сообщил, что “генерал Макартур будет использовать символические союзные вооруженные силы, которые, конечно, будут включать и советские вооруженные силы, для временной оккупации такой части собственно Японии, какую он сочтет необходимым оккупировать в целях осуществления наших союзных условий капитуляции”.

Отвечая американскому президенту 22 августа, Сталин писал: “Я понимаю содержание Вашего послания в том смысле, что Вы отказываетесь удовлетворить просьбу Советского Союза о включении северной половины Хоккайдо в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам. Должен сказать, что я и мои коллеги не ожидали от Вас такого ответа”. В свою очередь Сталин отказывал Трумэну в его просьбе на военные базы на Курильских островах. Сталин напомнил, что “такое мероприятие не было предусмотрено решением трех держав ни в Крыму, ни в Берлине и ни в какой мере не вытекает из принятых там решений... Требования такого рода обычно предъявляются либо побежденному государству, либо такому союзному государству, которое само не в состоянии защитить ту или иную часть своей территории и выражает готовность ввиду этого предоставить своему союзнику соответствующую базу. Я не думаю, чтобы Советский Союз можно было причислить к разряду таких государств”.

Правда, в ходе дальнейшей переписки ее тон был смягчен, и 30 августа Сталин согласился с тем, чтобы американцы использовали советский аэродром на Курилах для посадки, но лишь коммерческих самолетов. В свою очередь Сталин предложил, чтобы американцы разрешили использовать один из аэродромов на острове Алеутской гряды для посадки советских самолетов. Ответа от Трумэна на это предложение не последовало.

Тем временем к Токийскому заливу двинулось 383 судна американского флота. Их сопровождали 1300 самолетов. 30 августа близ Токио высадился передовой отряд американских войск. 2 сентября 1945 года на борту американского линкора “Миссури” министр иностранных дел Японии Мамору Сигемицу и начальник генерального штаба Японии Есидзиро Умэдзу подписали акт о безоговорочной капитуляции их страны. От имени всех союзных держав акт подписал Дуглас Макартур. Кроме того, от США акт подписал адмирал Нимиц, от Китая – генерал Су Юнчан, от Великобритании – адмирал Фрэнгер, от СССР – генерал-лейтенант К. Н. Деревянко. Объявив Дугласа Макарута главным представителем союзных держав при подписании капитуляции, американцы постарались создать впечатление о своей решающей роли в победе над Японией.

В тот же день 2 сентября 1945 года Сталин обратился к народу. Сообщив о подписании представителями Японии безоговорочной капитуляции, Сталин

подчеркнул мировое значение этого события: “Два очага мирового фашизма и мировой агрессии образовались накануне нынешней мировой войны: Германия – на западе и Япония – на востоке. Это они развязали вторую мировую войну. Это они поставили человечество на край гибели”.

Вместе с тем Сталин напомнил о значении победы над Японией для нашей страны, сказав: “Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил”. Подписание капитуляции Японией, подчеркивал Сталин, “означает, что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу и отныне будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии”.

Если бы СССР воздержался от участия в боевых действиях на Дальнем Востоке, то война могла затянуться. Победа же над Японией американских вооруженных сил могла привести к тому, что базы США могли бы быть установлены на Южном Сахалине и Курильских островах. США установили бы свой полный контроль над Кореей и Северо-Восточным Китаем. Это помогло бы США утвердить в Китае проамериканский режим Чан Кайши и распространить власть американской марионетки Ли Сын Мана на всю Корею. В этом случае с самого начала холодной войны СССР был бы вынужден учитывать угрозу ядерного нападения не только с запада, но и с востока.

Блестяще проведенная операция по разгрому Квантунской армии и других соединений японских вооруженных сил обеспечила нашей стране безопасные границы на Дальнем Востоке на многие десятилетия вперед. В то же время эта операция ярко продемонстрировала боевую мощь советских вооруженных сил, оказавшихся способными за пару недель разгромить японские войска, с которыми с трудом справлялись американцы и их союзники на Тихом океане в течение почти четырех лет. Появление на берегах Тихого океана победоносной Красной Армии стало грозным предупреждением тем, кто уже с конца 1945 года стал разрабатывать планы нападения на нашу страну. Поэтому особенно недопустимо принижать подвиг бойцов и командиров Красной Армии, совершенный ими в августе 1945 года.